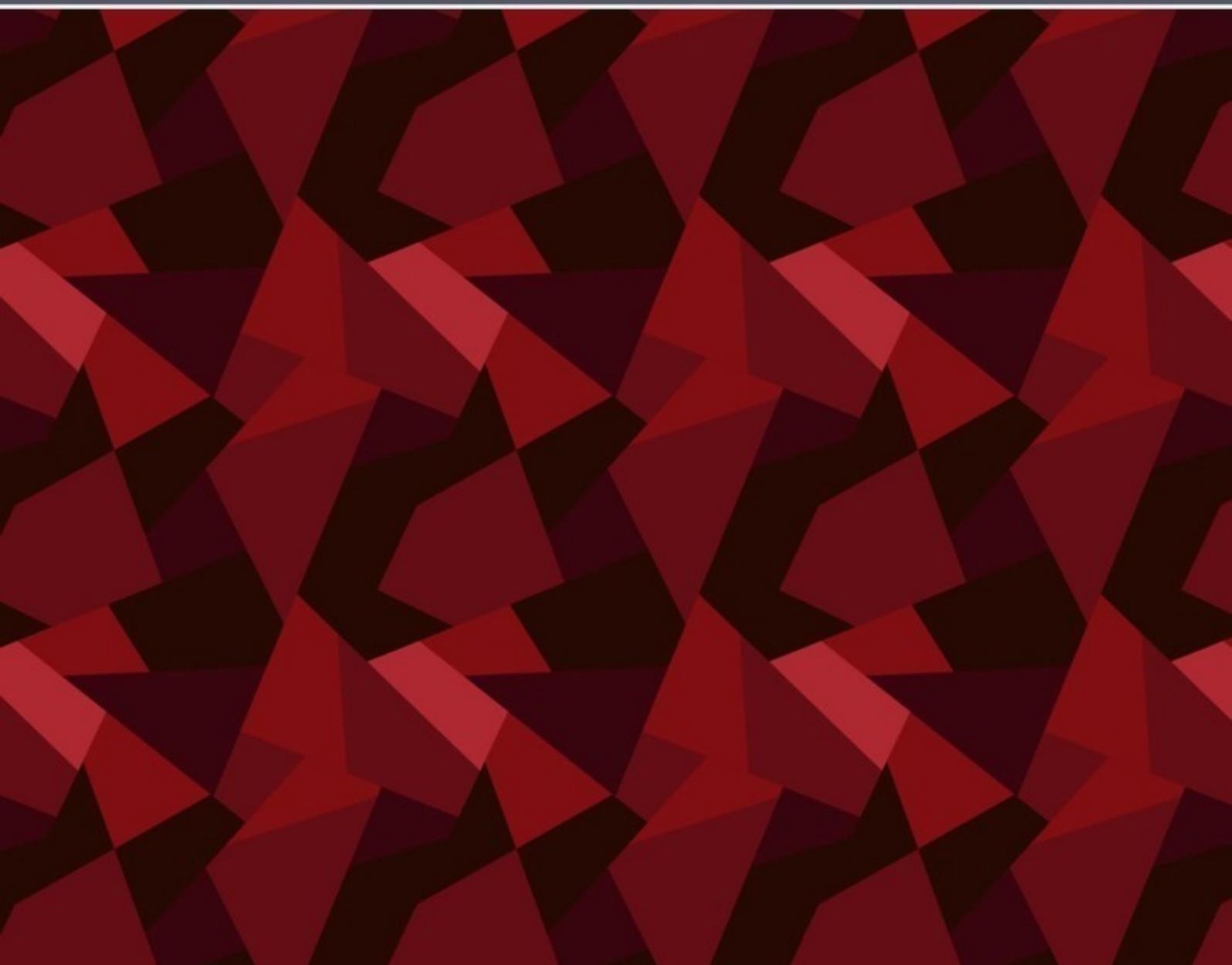

Андрей Петров

*Дикая
Камчатка*

Андрей Петров
Дикая Камчатка

«Издательские решения»

Петров А.

Дикая Камчатка / А. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507939-8

Рассказы о жизни аборигенов, охотников и просто живущих людей на Камчатской земле. Автобиографическое описание собственной жизни.

ISBN 978-5-00-507939-8

© Петров А.
© Издательские решения

Содержание

Андрей Петров	6
Предисловие	7
Ука	8
Экстремальное путешествие	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дикая Камчатка

Андрей Петров

© Андрей Петров, 2019

ISBN 978-5-0050-7939-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андрей Петров ДИКАЯ КАМЧАТКА РАССКАЗЫ

Писателем ныне стать проще простого: есть деньги – издавайся... Издал – и ты уже литератор. Но какой?

На мой взгляд, книга должна быть интересной и содержательной.

Сегодня у нас в руках произведения Андрея Петрова.

Его проза привлекает ярким, образным и эмоциональным слогом. Автор тонко подмечает коллизии взаимоотношений, умеет выделить добро и зло. В его рассказах чувствуется любовь к своему суровому краю. Это – жизнь простых людей севера Камчатки.

Не ошибусь, если скажу, что творчество Андрея Петрова достаточно зрелое и заслуживает внимания читателя.

Радмир Корнев,

Член Союза писателей СССР и России

Предисловие

Охота и рыбалка – моя стихия, поэтому у меня есть большой опыт общения с природой. Много могу рассказать и о взаимоотношениях с представителями коренных национальностей в их родной среде. Поэтому имею собственное мнение о национальном вопросе, да и о жизни на Камчатке в целом.

А жизнь в этой дальневосточной глубинке очень и очень не простая. Каждый выживает, как может. Труднее всех приходится коренному населению, за счет которого отхватывают всяческие блага чиновники и бизнесмены, спекулирующие на национальной теме.

Главные герои моей книги абсолютно реальны, а второстепенные порой названы вымышленными именами.

На Камчатке я родился, с детства бродил по диким местам, рыбачил и охотился, много знаю об основной достопримечательности нашего полуострова – медведях. Говорят и рассказывают о них очень много, выходят интересные публикации и даже фотоальбомы с восторженными комментариями, на мой взгляд, далёкими от понимания естества этих хищников. Некоторые люди даже пытаются подружиться с медведями, что приводит к трагедиям. Достаточно вспомнить случай со знаменитым защитником косолапых Виталием Николаенко, уверявшим общественность, в том числе и меня (мы были лично знакомы), что медведи – друзья человека. И доказывает это с помощью фотографий, на которых он празднует Новый год чуть ли не в берлоге с бутылкой шампанского. Но другой «медвежий друг» оказал ему «медвежью» услугу, лишив жизни, так же, как и японского фотографа-натуралиста Хошино, снимавшего на Курильском озере очередной альбом о милых мишках – того «милый мишка» ночью вытащил из палатки и убил.

Были случаи и более необычные. Мой хороший товарищ, капитан погранвойск, показывал любительский видеосюжет, снятый в Карагинском районе около с. Ивашка: бравый пограничник вливал из зеленого пакета молоко с изображением красной звезды (что говорит о принадлежности продукта к пайку военнослужащего) прямо в пасть молодому, крепкому медведю. Рисковал ведь – а вдруг молоко оказалось бы некачественным и не прошло дегустацию?

Богата Камчатка и природой, и биоресурсами. Одним словом, есть, о чём поведать читателю, что я и попытался сделать в этой книге.

Ука

Здесь я родился. Если быть более точным, то место моего рождения по паспорту РКЗ-69 Карагинского района Камчатской области. И еще уточню: это был рыбоконсервный завод №69, при котором находилась деревенька под местным названием «Песчаное». А зарегистрировали меня в сельском совете, располагавшемся в ближайшем селе Ука в 7 км от рыбозавода.

Море было в непосредственной близости, и при больших осенних штормах волны достигали деревни и промывали немногочисленные улочки. Раньше заводов этих было великое множество именно в этом районе – от мыса Начикинский на юге до с. Ивашка на севере.

Мой отец, выпускник Тобольского рыбопромышленного техникума, освоивший специальность «техник-добытчик рыбы и морского зверя», в начале 1950-х попал по распределению на Камчатку, работал сначала в бухте Гека в Олюторском районе, где неплохо зарабатывал на олюторской сельди, а потом был переведен в Карагинский район, где в колхозе имени Бекерева был сначала техруком (в подчинении было несколько ставных неводов), потом директором Дранкинского РКЗ, а затем и парторгом колхоза, где он уже освоив азы работы политического деятеля, перебрался вместе с семьей в Палану (центр Корякского автономного округа), где до пенсии работал в советской-партийной системе.

Жили мы по два-три года, кроме Уки, в близлежащих селах Карагинского района: Хайлюля, Дранка и Русаково. Переезжали с места на место в основном в то время, когда лежал снег, на собачьих упряжках. Меня с братом, который младше на год и 3 месяца, засовывали в кукули (спальные мешки из оленьих шкур) и открывали только на стоянках для кормления и справления нужды. Помню только, что дорога была для нас неустойчива, было тепло и комфортно.

Я был лишен и детских яслей, и детских садов по причине того, что не переносил никакого ограничения свободы и устраивал истерики с персоналом, поэтому рос до школы практически на улице, лазил с такими же пацанами по берегам рек и моря, дразнил быков и дружил с собаками.

Иногда мы ходили на рыбалку. Заключалась она в следующем: от завода прямо в реку были проложены трубы, по которым сливали отходы после потрошения лосося. И в этом месте собиралось огромное количество гольца, питающегося отходами. Мы, разувшись и закатав штанины заходили, в непосредственной близости от трубы, в воду, где нас чуть не сбивали с ног косяки гольца, которого мы умудрялись ловить руками без каких либо приспособлений.

Кроме этого, раньше от ставных неводов к заводу со стороны моря катера тащили деревянные кунгасы, наполненные рыбой, которую доставляли на разделку рыбонасосом по огромной трубе сначала в короб, от которого уже шел транспортер перевозивший сырец к обработчикам.

И когда рыба вываливалась в короб, ватага пацанов собирала себе, в основном, прилов: окуня, корюшку, крабов и т. д.

Один раз в Хайлюле мы с братом выловили из рыбонасоса крупнейшую чавычу и волоком по земле притащили ее домой, изрядно пропотев. Однако со стороны матери благодарности мы не дождалась, она заставила нас тем же манером тащить чавычу на помойку, ведь рыбы дома было достаточно.

Как-то в праздничные дни мы с пацанами залезли на завод и включили транспортер, на который прыгали и прокатывались какой-то путь. Слава Богу, никто не покалечился.

Так же без спроса мы проникли в бондарный цех и разобравшись с клепочной машиной клепали себе из металлических оброчей мечи, которые затачивали там же на наждаке.

Соль раньше возили парходами в 100 килограммовых мешках, вязанных из лыка. Горы пустых мешков мы тоже приспособивали, выкладывая из них траншеи и блиндажи – играли в войну.

Каким-то образом пришло к нам увлечение изготавливать свинчатку: плавил свинец, заливали в ложку и остужали, поэтому каждый добывал свинец, как мог.

На заводе было много кабелей в свинцовой оплетке. И мой братик нашел полотно по металлу и стал пилить кабель проходивший по полу завода. Потом я услышал вопли пацанов и увидел, что Сергей «прилип» к проводу, но никто не решался к нему подойти чтобы оттащить от опасности. Я не раздумывая побежал к нему и с силой оттолкнув, упал вместе с ним в стороне от кабеля.

Второй раз я брата спас, когда он пришел домой плача от боли, хромя на одну ногу. Присмотревшись я увидел, что между четвертым и пятым пальцем правой ноги у него торчит кусок швейной нити и не смотря на вопли зажал его ногу и ухватившись за нить выдернул из ноги довольно приличную иглу.

Потом спасали меня. Несколько пацанов увлекались ловлей морских, очень жирных и вкусных, окуней, которые водились около старых, полузатопленных деревянных кунгасов. И вот, забравшись на такой кунгас, я бросил леску в воду и ловил, но уронил удочку в воду. С кунгаса удочку было не достать, поэтому я слез на берег, нашел сепарацию – деревянный двойной щит, валявшийся на берегу и решил использовать его в качестве плота. Спустив щит на воду с помощью какой то доски я поплыл доставать удочку, но доплыв до кунгаса, я облокотился о его борт, в результате чего плот от меня ушел, а я оказался в воде. Пацаны подняли крик и меня спас какой-то мужичек, поймавший меня с кунгаса за волосы.

Этой же ватагой мы лазили около продовольственного магазина, которым командовала наша мать, и в ящиках нашли 12 бутылок армянского коньяка, который припрятали для себя рабочие, разгружавшие баржу с продовольствием. Кому-то в голову пришла мысль посетить один из продовольственных складов, куда уже дорожка была проторена. Отодвинув на складе доски, мы нашли там столовые ножи, алюминиевые кружки и банки с курятиной. Забрав все это с собой мы ушли вглубь Хайлюлинской косы и на берегу пытались открыть тушенку из курицы и коньяк с помощью столовых ножей и камней. Ничего у нас не получилось, камнями отбили горлышки у бутылок и хорошо посидели с коньячком, после чего все сильно опьянели и уснули прямо на морском песке, но ненадолго...

Полдеревни вышло нас искать, а когда нашли, то я на всю жизнь запомнил, что когда клепка от бочки достигает моей нижней половины тела это очень и очень больно. Мать регулярно прикладывалась и ко мне и к брату, поэтому до дома мы добрались довольно быстро, заодно выучив наставление о том что алкоголь вреден для здоровья.

Раньше в места переработки лосося привлекалось огромное количество работников со всей страны – мы их называли сезонниками, т.к. держали их только на время хода лосося, а потом вывозили обратно. Эта публика была очень проблемная, нередко они вламывались к нам в дом в поисках ломов и топоров – устраивали нешуточные побоища между собой и местными, калеча друг друга. Так среди бела дня мы со своей ватагой лазили вокруг бетонных чанов, где солили рыбу и увидели, как к нам бежит какой-то мужик, который попросил нас не говорить никому, что его видели и прыгнул в чан с рыбой. А следом за ним неслая огромная толпа рабочих с ломом и лопатами в руках, которые спросили нас видели ли мы кого-нибудь, на что я сказал что видели и указали рукой совсем в другую сторону, т.к. видя очень серьезный настрой толпы, подумал, что в противном случае его просто забьют насмерть.

Только вечером, дома, я узнал, что спасенный мной мужик кого-то зарезал и ему хотели отомстить. Его, конечно, потом нашли и судили, но это уже было по закону.

В конце лета 1964 г. у меня на брови был обнаружен лишай, который в Хайлюле вылечить было невозможно из-за отсутствия врачей и лекарств, поэтому меня решили отправить на лечение на морском буксире (Жуке) в районный центр Оссора.

Погода была жуткая, и катер очень сильно раскачал. А в детстве я не переносил качку, поэтому уговаривал капитана оставить меня наверху, где был свежий воздух. Капитан сначала и слышать об этом не хотел, а потом, укрыли меня теплой одеждой, усадили к какому-то выступу в носу катера, привязали к нему канатом, толщиной сантиметров восемь, и оставили одного. Помню, как сейчас как катер нырял в пучину, вода переливала палубу под ногами. Одним словом хватил экстриму в 6 лет, но не испугался и в кубрик не шел категорически – на воздухе мне было гораздо легче.

Капитаном «Жука» был пожилой немец Андрей Крамер, пользующийся у пацанов большим уважением. Он был хорошим охотником и во время перелетов гусей не уезжал далеко, а выйдя на морской берег из мелкокалиберной винтовки умудрялся выбивать гусей из высоко пролетавших стай, которых достать из гладкоствольного ружья было абсолютно нереально. Мы его сравнивали с американским индейцем, которые, судя по шедшим в то время фильмам-вестернам, стреляли, не зная промаха.

В первый класс я пошел в с. Ивашка в 1965 году. Однокашников своих практически не помню, т.к. во второй класс я пошел уже в центре КАО – пгт. Палана, куда отца перевели на партийную работу.

Здесь наша семья тормознулась надолго, все дети – я, брат и сестра закончили школу, отсюда я призывался в армию, получил высшее образование и дослужил в МВД до пенсии по выслуге 25 лет (на Камчатке работа в МВД – год за два). В 32 года в 1990 году у меня уже было пенсионное удостоверение.

Один мой хороший знакомый после перевода из Ростова, увидев сколько лосося заходит в реки, обозвал камчадалов дураками. По его мнению, мы живем на золотой жиле, а свой быт устроить не можем.

Не прав он – можем, но не дают. Все у нас как-то неправильно – имеем свои ресурсы, а пользуемся ими все, кроме жителей Камчатки.

Выбиваются федеральные деньги на пустые проекты под предлогом улучшения жизни камчатцев, а потом на них кто-то жирует за рубежом или в Сочи с магнитофоном и пиджаком с отливом.

Но мы не одиноки. С еще более удивительным фактом я столкнулся в городе Углегорске Сахалинской области.

В многоквартирном доме, где был в гостях у директора шахты, обеспечивавшей углем половину Дальнего Востока, с удивлением обнаружил, что в дом не подведена горячая вода – нет лишнего угля на котельной.

По-моему, о местном населении власти некоторых Дальневосточных регионов все – таки иногда забывают.

И интересная статистика – после первого губернатора Камчатки, захватившего еще советское время, ни один последующий не остался проживать на той территории, где осуществлял правление, видимо они – то точно не относятся к категории «дурак».

Но не будем о политике, здесь тема несколько другая.

Я много слышал рассказов друзей-охотников и просто случайных знакомых любителей природы, поэтому решил восстановить всё это в памяти и выложить на бумагу.

В итоге получился какой-то микс, где переплелись и природа, и работа, и забавные случаи.

И никакой выдумки – только реальные истории...

Экстремальное путешествие

Закончив в 1975 году среднюю школу в столице Корякского автономного округа посёлке городского типа Палана и поступив в Хабаровский политехнический институт, я со своим одноклассником Сашкой Бородулиным (который тоже успешно поступил в Иркутский институт, где готовят охотоведов), пользуясь тем, что до начала занятий после череды экзаменов оставалось время, решили попутешествовать – пешком, а если повезет, то «автостопом» пройти около сотни километров вверх по реке Палана до Паланского озера и дальше до горячих источников, которые располагались еще на семьдесят километров дальше в Корякском хребте и назывались Паланскими ключами (горячие источники).

Отец Бородулина, Михаил Иванович, был человеком непростым – руководитель РСУ. Нравом был крут и сына держал на коротком поводке, нередко ограничивая его свободу в то время, как остальные одноклассники от родителей были менее зависимы.

Вместе с тем Иваныч был очень авторитетным охотником, имел свои угодья и в одиночку мотался по диким местам на моторной лодке, снегоходе. Было даже время когда со своим другом собрал аэросани и носился на них по снегу, пока не разбил.

Еще рассказывали, что когда в лесу на компанию грибников вышел огромный агрессивный медведь – Михаил Иванович, приказав никому не двигаться, взял огромную корягу, приготовленную для распила в костёр, поднял ее высоко над головой и пошел с ней на нарушителя спокойствия, который остановился, поднялся на задние ноги, рыкнул несколько раз, развернулся и ушел.

На вопрос, зачем он это сделал, Михал Иваныч объяснил, что медведи в лесу ставят метки на деревьях, меряясь ростом – и территорию без боя занимает тот, у которого метка расположена выше. Таким образом, подняв корягу вверх, он как бы увеличил свой рост в глазах хищника. Правда и отборный мат хриплым, поставленным голосом мог обратить в бегство, наверное, даже слона.

Наша затея тогда не считалась каким-то героизмом – с детства мы бродили по рекам и лесам без ружей и каких либо приспособлений от медведей: всем хватало места, медведи не были против нашего присутствия и уходили сразу при встрече, поэтому страх как таковой отсутствовал.

Мои родители выступили против такого мероприятия, но я был упертым малым, а Бородулин-отец наоборот дал нам добро, сказав, что если выдержим вдвоем две с лишним недели среди зверья – значит, толк из нас получится. Он даже помог нам экипироваться и решил довести на моторной лодке «Казанка» с двадцатисильным двигателем до Старой Паланы – это километров пятьдесят вверх по реке – и показать тропу, по которой мы могли бы продолжить путь.

Старая Палана – это никакой не населённый пункт и даже не место, где можно найти ночлег, на увале у реки на глаза попадались остатки выбеленных дождями морозом и годами прогнивших досок и жердей – можно было предположить, что здесь когда-то жили люди. Говорили, что именно тут обитали до появления русских чавчувены – оленные коряки, а ближе к морю располагалась другая разновидность коряков – нымыланы, которые больше занимались добычей рыбы и морского зверя. Я даже видел у одного аборигена паспорт старого образца, где в графе национальность было записано «нымылан».

Очень лихо пройдя на лодке до места назначения, перетащив несколько раз её через перекаты, используя нас в качестве бурлаков, Бородулин-отец рискнул пройти с нами и первый Паланский порог, который представлял собой крутую струю зажатую между двумя огромными валунами. Любое неосторожное движение могло привести к опрокидыванию, но мы справились и выиграли еще километров пять пути.

Высадившись на берег, мы подогнули под себя рюкзаки, распрощались с Михаилом Ивановичем и тронулись в путь по тропе, которая была выбита до глины, но несколько загажена медвежьим пометом.

Август, тепло, солнце, кругом сплошная зелень, спелая жимолость, голубика, огромные березы, кедровый стланик – всё вроде бы радовало глаз, но в низинах рос трёхметровый шеломайник, по которому ходить было не так радостно из-за отсутствия обзора. Впрочем, у нас были ружья. Свою вертикалку ТОЗ-34 я располовинил и уложил в рюкзак – так было удобнее передвигаться. Сашка одностволку шестнадцатого калибра нёс на плече, но в боевое состояние ее не привёл, надеясь на молодого самца лайки с громкой кличкой Князь, который, как мы надеялись, будет защищать нас от медведей.

Поднявшись на увал, мы увидели, что тропа идет в ложину между небольших сопочек, края которых были натурально синего цвета от невероятного количества голубики. А вокруг тропы метрах в ста паслись четыре медведя – три одинакового среднего размера и мать покрупней. Поразмыслив, что делать дальше – обходить тропу по бездорожью, или прогнать медведей, мы решили в пользу последнего. Я снял с головы соломенную шляпу типа сомбреро, которую привезли родители из отпуска в Сочи, стал ею махать и кричать медведям неприличные слова, чтобы звери освободили нам маршрут.

Все четверо поднялись на задние лапы и стали смотреть в нашу сторону как бы совещаясь. Затем трое стремительно рванули в сопки, а один (видимо медведица) резко стартанул в нашу сторону.

Ружье было на плече у Александра, а патроны он даже не вытащил из рюкзака. Мало того – рюкзак был почему-то завязан на узел.

С нервным смешком Саня, скинув рюкзак на землю, стал пытаться развязать узел, но у него никак не получалось – дрожали руки, а медведица приближалась очень быстро.

Тут сработала моя реакция – выхватив из чехла туристический топорик, висевший на поясе, я рубанул по рюкзаку, открыв доступ к патронам. Сашка моментально вытащил из пачки патрон, вставил в ствол и нажал на курок, выстрелив в никуда.

Медведица резко остановилась, оставив на глине тормозной след, как от автомобиля, поднялась на задние лапы и посмотрела на нас в упор. Расстояние между нами было меньше пяти метров. Я на всю жизнь запомнил этот хищный взгляд маленьких красных глаз, ходящий ходуном острый черный нос и приоткрытую пасть с желтыми клыками.

Пока медведица соображала, что делать дальше, Санька вставил второй патрон, а я крикнул: «Только не в неё!».

После второго выстрела над головой медведица, видимо, вспомнила вдруг, что дети остались без присмотра, развернулась и побежала в обратную сторону догонять своих акселератов.

Мы уселись на кочки, долго молчали от пережитого и только потом вдруг вспомнили о собаке, которая, ни разу не твякнув, просто исчезла из поля зрения. И когда Бородулин позвал своего четырёхногого друга – тот буквально на пузе выполз из травы с очень и очень виноватым взглядом, что привело в негодование хозяина и заставило отвесить смачный пинок под собачий зад.

Это была первая встреча с медведями в этом походе. И закончилась она благополучно только потому, что мы не стали убегать: настрой у медведицы был абсолютно конкретным – живыми бы мы не ушли.

Я распаковал рюкзак и собрал свое ружье, загнав в стволы два патрона, поставил на предохранитель.

Тропа была свободна, но после такого стресса мы всё равно решили не рисковать и обойти опасное место вдоль реки, где вдоволь накувыркались среди травы, валунов и проток.

Шли мы быстро и уже к вечеру пришли на Паланское озеро, где остановились на увале, покрытом кедром. Палатку установить, как положено, мы поленились, а просто привязали ее за кончики к веткам кедрового стланика, перекусили и завернувшись в одеяла, легли спать.

Рано утром я проснулся от громкого рева медведя. Было такое впечатление, что животное сейчас наступит на палатку и разорвет ее вместе с нами. Мной овладело оцепенение – я толкнул Сашку, который даже не повернулся на звуки, но услышал шепот: «Надо уходить...». Но выходить из палатки было еще страшнее – мои коленки от этого рева вдруг стали сами по себе стучать друг об друга. Наконец я включил мозги и стал осмысливать ситуацию. Приоткрыв полог палатки, медведя не увидел и сообразил, что, видимо, тот находится на протоке, протекавшей в десятке метров ниже нашей палатки.

Взяв ружье, я пополз к обрыву и, раздвинув кусты, увидел следующую картину: прямо посреди мелкой протоки, красной от нерестящейся в ней нерки (шкура у этого лосося во время нереста имеет ярко-красный цвет), сидела, как человек на заднем месте, медведица, раскинув в стороны передние лапы, и, не двигаясь, ждала, когда к ней подплывет рыба. Потом когтистой лапой резко пробивала лосося и неуклюже бросала через спину на берег, где тушку раздирали на части два очень мелких медвежонка. Часть рыбы на берег не попадала и уплывала по течению, что, видимо, матухе не нравилось – она издавала недовольное рычание, одновременно что-то высказывая своим малышам, которые между едой умудрялись погоняться друг за другом.

Я наблюдал эту идиллию, пока не подполз Бородулин. Медведица вдруг резко подскочила, поддела одного медвежонка лапой и бросила его как мячик в траву, а второму дала под зад так, что он перевернулся в воздухе. И вся троица скрылась в высокой траве, по колыханию которой можно было судить об их направлении движения.

Про собаку опять вспомнили в последний момент – Князь в палатке свернулся калачиком и делал вид, что крепко спит, подрагивая веками. Мы уже поняли, что этот трусливый пёс нам не помощник, не стали впредь впускать его в палатку и определили на подножный корм, с чем он в принципе справлялся неплохо – то лемминга поймает, то евражку, то молодую куропатку.

Охота в этих местах была отменная: сгоряча мы убили четырех глухарей – двух съели, а два так и пропали у нас в рюкзаке через пару дней – пришлось выбросить. Поэтому впредь мы стреляли только по необходимости, то есть по мере наступления аппетита. Дичи было много – куропатки сопровождали нас повсеместно, перебегая порой дорогу, а в любом водоеме можно было подстрелить уток. Особенно много было крохалья, который питается мелкой рыбой и, набив желудок, не может быстро взлетать при опасности – ему нужна приличная взлетная полоса, по которой он очень долго бежит, поднимая лапами брызги, прежде чем подняться в воздух: мишень – лучше не придумаешь. Крохаль – крупная утка, имеющая нежное на вкус мясо, но его нельзя щипать и опаливать: вкус сразу приобретает рыбный запах – под шкурой имеется жировая прослойка оранжевого цвета, по вкусу напоминающая рыбий жир. Поэтому мы снимали жирную кожу прямо с перьями, оставляя для приготовления только мясо.

Через неделю дичь настолько приелась, что мы решили для разнообразия попробовать кедровку. Но эта птица, питающаяся исключительно орешками кедрового стланика, оказалась вообще пресной по сравнению с предыдущим меню. Мы попытались найти норы, где кедровка делает на зиму запасы орешков, но безуспешно – норки были пустыми: шишки этого года еще не созрели, а прошлогодние запасы видимо закончились.

Вдоволь набродившись вдоль озера, распутивая зазевавшихся косолапых, мы, несмотря на довольно-таки прохладную, кристально прозрачную воду, в которой издали можно было наблюдать косяки лосося, с удовольствием накупались и постирали свою одежду – благо, погода стояла очень солнечная, ни одного облачка. Там одно из уникальных мест, где нерестится нерка, много гольца, огромной микижи (разновидность форели) и кунжи.

Медведи на открытых местностях попадались постоянно, Но мы уже их не уговаривали, а, подойдя поближе, стреляли в их сторону дробью, после чего они убегали что было мочи, освобождая дорогу.

Однажды, поставив палатку, мы решили пройтись к озеру и для разнообразия в еде подстрелить маленьких утят – раньше такого деликатеса мы не пробовали. Увидели стаю таких созданий и подстрелили пару штук. Каково же было разочарование, когда вместо утят всплыли огромные утки. Просто эти утки еще не могли летать из-за того, что меняли оперение, и погружались в воду так, что на поверхности оставался кусочек спины и голова – вот мы и приняли их за утят.

Сейчас-то я знаю повадки и способы маскировки пернатых: при опасности они лапами цепляются за осоку, растущую из воды, и подтягивают себя ближе ко дну.

Возвращаясь, когда уже стало темнеть, мы услышали как наш «любимый» Князь издали поднял визг. Визг быстро приближался. Мы подумали, что за Князем гонится медведь и пёс ведет его прямо на нас, приготовили ружья и ждали приближения. Но в этот раз перед визгом и собакой прямо между нами – мы шли параллельно на расстоянии двух метров – проскочил на бешеной скорости крупный заяц. Мы только повели ружьями по направлению его движения.

Князь через некоторое время вернулся без добычи и стал высказывать нам свое «фи», недовольно урча и погавкивая. Видимо, он специально выгнал прямо на нас этого зайца, как будто знал, что нам нужно было сменить питание.

А с питанием становилось все хуже и хуже – сухари закончились, потому что мы чересчур увлеклись ими, бесконтрольно жуя прямо на ходу. Остались только галеты, сахар, соль да пачка лапши. Вместо чая мы заваривали ягоду и шиповник, что нас в принципе устраивало – чагой мы тогда не пользовались, хотя знали о ней еще в школьные годы: зарабатывали тем, что сдавали её в леспромхоз за небольшие деньги.

Подсчитав остатки еды мы решили установить для себя норму – две галетки и два кусочка сахара в день. Остальное добывали с помощью ружей и собирательства – ягод и грибов было просто немерено, рыба хоть и в брачном наряде, но вполне съедобна, и ловили ее мы очень просто – выпинывали из протоков ногами и, разделив на кусочки, поджаривали, нанизав на веточки, воткнутые в землю рядом с костром. Кроме того, мы всегда имели красную икру – обрабатывая ее с помощью ложки, отделяя от пленки, посыпали солью и перемешивали для приготовления не более пяти минут, не замарачиваясь на приготовление тузлука. Со стороны это выглядело так: столовыми алюминиевыми ложками набивали икрой полный рот и закусывали её мелкими кусочками галет, шутя, что москвичи выглядят в этом плане более выигранно – у них все наоборот, на огромный кусок хлеба (которого нам сейчас так не хватало) кладутся несколько икринок.

Дичь надоела так, что просто не лезла в рот – от ее запаха выработался рвотный рефлекс, поэтому мы мечтали о хлебе и оленине, которую ели с детства. Но олени нам не попадались. Правда выручали грибы, которые росли в невероятном количестве – из них мы делали супчики.

Между Паланским озером и ключами мы набрали на стан учёных-топографов, где вдруг встретили своих бывших учителей – молодых сестер. В школе мы их называли «братьями Карамазовыми» из-за созвучности фамилии. Дело в том, что топографы имели при себе вертолет Ми-4, который обслуживал их. И вертолетчики свободно перемещались по окрестностям, залетая в Палану не только с целью заправки и пополнения продуктового запаса, но и за молодыми и любознательными туристками для «передачи опыта в совместных научных изысканиях».

Нас встретили очень тепло и усадили за стол в общей палатке, налив по тарелке грибного супа со свежеспеченным хлебом и овощными консервами.

Надо отдать должное неприхотливости и полному отсутствию брезгливости и топографов, которые с виду были сплошь бородатыми загорелыми мужиками, и двух неопределенного

возраста женщин, прожженных солнцем и ветром, без каких либо признаков макияжа – все они ели суп с грибами, не обращая внимания на содержимое. Этот суп мы так и не съели из-за огромного количества грибных червей, от которых так и не смогли избавиться, сколько бы их не выкидывали из тарелок. Но зато мы «оторвались» на свежем хлебе с маслом и консервах.

Узнав, что мы держим путь на Паланские ключи, brave вертолетчики предложили подкинуть нас до места назначения по воздуху. Но мы отказались и, взяв у них немного консервов и свежего хлеба, пошли дальше.

На стане нас предупредили, что в районе горы по названию «Дед» (это прямо по нашему направлению) медведь сильно поранил двух оленеводов и буквально недавно отвезли их в больницу. Медведя этого не нашли, поэтому посоветовали нам держать оружие наготове – одержав победу над человеком, косолапый может повторить подобную выходку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.